

На другом конце провода воцарилась тишина, Е Чжицю слышал только шум дождя. Он был громче и ближе, чем тот, который он слышал, сидя в комнате за стеклом.

— Ты на улице? — спросил Е Чжицю, невольно взглянув на часы.

— Да, — тихо ответил Цинь Цзяньхэ.

Его голос был низким и глубоким, и хотя он был тихим, он мгновенно заглушил шум ветра и дождя. Этот голос, словно раздавшийся прямо у уха, мягко коснулся барабанных перепонок Е Чжицю. Юноша слегка опешил и на мгновение замолчал.

— Только что вышел из компании, — продолжил Цинь Цзяньхэ, — жду, когда дядя Ли подъедет.

— А, — отозвался Е Чжицю.

В последнее время он заметил, что Цинь Цзяньхэ не всегда ездит с дядей Ли.

Чаще всего, если дядя Ли появлялся, это означало, что у Цинь Цзяньхэ было очень много работы и ему нужно было отдохнуть, или что ему нужно было ехать на деловую встречу. Хотя это было не всегда так, Е Чжицю всё же спросил:

— У тебя вечером встреча?

Сказав это, он тут же пожалел. Не говоря уже о том, что время для официальных встреч уже прошло, это ещё и выглядело так, будто он слишком интересуется жизнью Цинь Цзяньхэ.

Е Чжицю невольно потёр щеки, пытаясь скрыть лёгкую неловкость.

Цинь Цзяньхэ, как и ожидалось, рассмеялся.

— Не совсем встреча, — сказал он. — Жэньчжи и остальные позвали выпить.

— Угу, — в глазах Е Чжицю невольно заиграла улыбка. Затем он услышал, как на том конце открылась, а потом закрылась дверь машины, и вокруг Цинь Цзяньхэ стало тихо.

— Я сел в машину, — сказал он голосом ребёнка, отчитывающегося перед родителем.

Невольно Е Чжицю снова поднял руку и потёр щеку.

— Тогда езжай, — сказал он. — Я тоже собираю вещи.

— Послезавтра уже будешь жить в новой квартире? — спросил Цинь Цзяньхэ. — Я приготовил тебе небольшой подарок на новоселье, посмотрим, когда будет удобно его передать.

Не дожидаясь ответа Е Чжицю, он добавил:

— Ничего дорогого, обычные вещи.

После таких слов Е Чжицю действительно не осталось причин для отказа.

— Угу, — сказал он с улыбкой. — Но тебе нужно прийти попозже, возможно, у меня будут друзья.

— Хорошо, — Цинь Цзяньхэ тоже улыбнулся. — Подожду, пока все уйдут, и тайком проберусь.

Е Чжицю: ...

Он поджал губы, через мгновение невольно рассмеялся, после чего по обе стороны телефона воцарилась тишина. Смутный шум дождя заставлял теряться в догадках, откуда он доносится, стуча по ушам, словно проникая в самое сердце. Мелкий и плотный, он просачивался повсюду.

— Тогда собирай вещи, — сказал Цинь Цзяньхэ. — Увидимся послезавтра вечером.

Повесив трубку, Е Чжицю немного посидел в тишине, прежде чем снова опустить глаза и начать листать фотоальбом Лань Юэ с самого начала. Там было всего несколько фотографий. Наверное, из-за того, что прошло много лет, и их часто перелистывали, большинство из них уже пожелтели и выцвели.

"Пора найти кого-нибудь, чтобы их отреставрировали", - подумал Е Чжицю.

Затем его мысли снова вернулись к причине смерти Лань Юэ. Была ли это просто послеродовая депрессия, или кто-то подлил масла в огонь и подтолкнул её?

Пережив прошлую жизнь, Е Чжицю лучше кого бы то ни было знал, что для любого человека, даже в самые трудные времена, смерть — это нелёгкое решение. Даже в прошлой жизни, когда он был в глубокой депрессии, каждый день жил как зомби и всякий раз, когда прятался на балконе, чтобы покурить, не мог справиться с желанием прыгнуть вниз... В итоге ни разу не решился на это.

Не говоря уже о Лань Юэ.

Не говоря уже о том, что она была такой нежной и улыбчивой, с первого взгляда было видно, что у неё очень хороший характер.

Только то, что Лань Хуа говорил ему раньше: когда Е Чжицю родился, тот приходил заботиться о Лань Юэ и составлять ей компанию, и тогда с ней всё было в порядке. Лань Хуа сказал, что она ничем не отличалась от обычных молодых мам. В то время она была погружена в свою новую роль.

Спрашивается, как такой человек мог покончить с собой через два-три месяца?

Более того, младенец в возрасте двух-трёх месяцев — это самое очаровательное время, как мать, «погружённая» в свою новую роль, могла без причины бросить своего ребёнка, ожидающего кормления, уйти, не оглядываясь, и оставить его беззащитным перед жестокой судьбой?

Только если она действительно столкнулась с чем-то, что заставило её отчаяться настолько, что она больше не видела будущего и надежды.

Оглядываясь назад, это событие могло быть и не таким уж значительным, но под влиянием гормональных изменений после родов оно вполне могло толкнуть её в пропасть.

Е Чжицю закурил сигарету, нахмурился и сделал несколько затяжек. Только когда пепел упал на фотографию, он резко очнулся и поспешно смахнул его. Пепел был очень горячим, но, к счастью, не прожёл фотографию.

Е Чжицю вздохнул с облегчением, поднял руку и затушил оставшуюся половину сигареты в пепельнице.

На самом деле, он думал об этом не в первый раз, если быть точным, он думал об этом тысячи раз. Но прошло слишком много времени, и ему было трудно найти следы прошлого.

Е Чжицю опустил глаза и поджал губы, лишь спустя долгое время он закрыл фотоальбом. Он встал, осторожно убрал альбом в отделение чемодана, а затем начал собирать вещи.

В доме было немало чемоданов, и хотя два, которыми он обычно пользовался, временно остались у Цинь Цзяньхэ, Е Чжэн и Е Хунсянь часто ездили в командировки, поэтому тётя Чжао без труда нашла для него четыре больших чемодана.

Один чемодан был уже заполнен книгами и предметами первой необходимости, в остальные три Е Чжицю сложил повседневную одежду.

После изучения дизайна одежды у него самого выработалась привычка к хорошей организации вещей, поэтому собирать вещи было несложно. Не прошло и полчаса, как несколько

чемоданов снова стояли у стены.

Е Чжицю вернулся к письменному столу и открыл расписание занятий на этот семестр. Он решил начать работать и учиться одновременно. В понедельник днём у него были занятия, он планировал утром пойти на работу в компанию, а после обеда взять набор инструментов, который он купил для Линь Сюэхуа, и отправиться на занятия.

На самом деле, он купил два таких набора, один для Линь Сюэхуа, а другой оставил себе. Ведь чтобы создать новую мастерскую в квартире, многие инструменты нужно будет покупать заново, даже если он вернётся.

Закрыв расписание, Е Чжицю зашёл в интернет и заказал себе швейную машинку, перфорированную панель для инструментов и другие инструменты, которых не хватало в наборе.

Когда всё было готово, он по привычке взял чистый лист бумаги и начал ежедневный анализ. На этот раз он первым делом написал два слова: «Цуй Сюань». Затем кончик ручки вдруг замер и долгое время висел в воздухе.

Шум дождя за окном, казалось, усилился, он сильно стучал по ушам Е Чжицю, как будто весь мир вдруг опустел, и остался только этот ливень.

Затем рука, державшая ручку, слегка дрогнула, пальцы сжались. Е Чжицю медленно пришёл в себя, снова опустил глаза и начал писать.

На этот раз он написал на бумаге два слова: «дядя Ван».

Е Хунсянь всегда молчал о смерти Лань Юэ. А Е Чжицю никогда не спрашивал тётю Чжао. Не только из-за боязни спугнуть змею, но главным образом потому, что в то время у родителей тёти Чжао возникли проблемы, и она на некоторое время уехала домой. После того как Лань Юэ родила, в дом была приглашена няня. Кроме того, поскольку в семье Е было мало людей, тетя Чжао быстро наготовила еды, прежде чем уехать. А когда она вернулась, все уже произошло.

Ту няню Е Чжицю в прошлой жизни тоже пытался найти. В то время он искал ее вовсе не потому, что сомневался в причине смерти Лань Юэ. А потому, что только что потерял тот фотоальбом и ему срочно нужна была утешение из другого источника.

Тетя Чжао уже не подходила. Когда Е Хунсянь выгонял его из дома, он сказал, что если кто-нибудь из семьи Е осмелится связаться с ним, то вылетит вместе с ним. Он не хотел подставлять ее.

Тогда няня, которая начала заботиться о нем после рождения Лань Юэ, была самым

подходящим вариантом. В то время она жила в доме, заботилась о роженице и ребенке, больше всего времени проводила с Лань Юэ. Она могла бы не только рассказать ему о матери, но и о том, какой она была молодой мамой, каким он был в младенчестве, любила ли его Лань Юэ.

Позже он действительно нашел кое-какую информацию о ней. К сожалению, когда Е Чжицю было семь или восемь лет, она уже умерла. Так что позже, когда он полностью раскрыл истинное лицо Тао Жоцин и начал подозревать причину смерти Лань Юэ, то лишь с предубеждением подумал: прошло много времени, люди ушли, и, возможно, в этом мире больше нет никаких полезных зацепок об этом деле.

Но только что Е Чжицю вдруг снова вспомнил о дяде Ван.

Дядя Ван появился после того, как Тао Жоцин вышла замуж за Е Хунсяня, и все эти годы у семьи Е был только один водитель — дядя Ван.

Неужели у семьи Е не было водителя, когда Лань Юэ была беременна?

В то время "Е Дин" только начинал развиваться и это было самое загруженное время. Е Хунсянь никак не мог найти время, терпение и тем более чувство ответственности, чтобы сопровождать Лань Юэ на осмотры во время беременности, а тем более заботиться о ней. В таком случае, у семьи раньше обязательно был другой водитель.

Е Чжицю спокойно подумал немного, а затем поставил звездочку, обозначающую важность, на словах «дядя Ван». Затем он встал, подошел к окну и долго смотрел на темный дождливый пейзаж за окном, кое-как успокоил свои эмоции и снова сел, чтобы закончить незаконченную работу.

Разобравшись со своими эмоциями, Е Чжицю полностью успокоился.

Он измельчил лист бумаги, а затем открыл свою электронную почту. Обработав несколько писем, Е Чжицю выключил компьютер, встал и пошел спать.

Хотя ему было трудно заснуть, но поскольку на следующий день ему нужно было идти в съемочную группу "Восьмого павильона", чтобы встретиться с режиссером и Чжао Юньчжуаном, Е Чжицю заставил себя закрыть глаза.

Он всю ночь ворочался, слушая, как шум дождя за окном постепенно стихал, пока, наконец, не остался лишь легкий шелест, и тогда Е Чжицю задремал. А когда зазвонил будильник, золотые лучи солнца уже пробивались сквозь щели в шторах. Дождь кончился.

Не выспавшись за ночь, Е Чжицю не сразу встал.

Когда он пошел в ванную умываться, то, подняв глаза, увидел в зеркале очень холодные глаза.

Эти глаза были очень темными, словно покрытые льдом, и спокойно смотрели на него.

Е Чжицю моргнул, поднял руку и потер щеки, пока кожа слегка не покраснела, и только тогда серость в его глазах начала рассеиваться. Однако легкие синяки под глазами стали еще заметнее, когда его взгляд потеплел.

Выйдя из комнаты и переодевшись, Е Чжицю спустился вниз, чтобы позавтракать. Вся семья, кроме Е Чжися, была в сборе.

Возможно, потому, что он скоро собирался съехать, Е Хунсянь несколько раз положил ему еду и дал несколько наставлений.

Отношение Тао Жоцин было еще лучше: она спросила его, как он собрал вещи, не нужно ли ему чего-нибудь в съемной квартире, и перевела ему деньги на глазах у Е Хунсяня.

Все было безупречно. Даже в глазах Е Хунсяня гнев, вызванный неблагодарностью Е Чжися, мгновенно рассеялся.

Е Чжицю с улыбкой принимал все это, изображая семейную гармонию.

Не говоря уже о Е Хунсяне, даже Тао Жоцин чувствовала, что после полугодовой работы в VIA в прошлом году он действительно стал более разумным и зрелым.

"Сейчас самое время ему съехать. - Подумала Тао Жоцин. - Будет нехорошо, если со временем Е Хунсянь станет к нему лучше относиться."

Позавтракав, Е Чжицю поехал прямо на съемочную площадку. Встреча была назначена на десять утра, он приехал на полчаса раньше.

Съемки еще не начались, но декорации были почти готовы. Перед ним стоял небольшой красный дом, а временный конференц-зал был расположен на первом этаже.

Режиссер Чжоу Лянь, продюсер и Чжао Юньчжуан еще не приехали, но Чжао Кэци уже был там. Кроме того, там были еще несколько специалистов по костюмам, гриму и декорациям, а также несколько ассистентов главного стилиста Ли Сюня, который ранее был госпитализирован. Все они были из команды, с которой Чжао Юньчжуан привык работать, и все были знакомы с Чжао Кэци. Когда Е Чжицю приехал, все как раз развлекали Чжао Кэци.

<http://bllate.org/book/14243/1258132>